

Д. А. Шереметьев

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ ПИЩАЛЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИЙСЯ ТИП

Настоящий доклад представляет собой очерк исторического явления, которое, на наш взгляд, не привлекает к себе внимание исследователей в той мере, в которой оно того заслуживает. Речь пойдет о традиционных для России ручных пищалях.

«Кремнёвки», как их часто называли, удивительно долго служили сельским охотникам¹. Исследователь, побывавший в 1902–1903 годах на территории нынешней Республики Коми, отмечал, что в некоторых деревнях на сотню кремнёвых ружей приходилось не больше трех-четырех штук с капсюльным замком². В Архангельской губернии в начале 1910-х годов кремнёвки использовались охотниками-промысловиками наряду с капсюльными ружьями и казнозарядными винтовками под унитарный патрон³. В середине 20-х годов XX столетия у охотников бассейна реки Печора оружие с кремнёвым замком составляло около 20–25 %, а остальные 75–80 % почти поровну распределялись между капсюльными шомпольными и казнозарядными ружьями⁴. Даже в начале 1930-х годов кремнёвые винтовки были широко распространены в верховьях рек Яны, Индигирки и Колымы⁵.

Исследователи уже обращали внимание на явное сходство промысловых винтовок XIX века и, в частности, их замков с русским огнестрельным оружием XVII века. Так, известный оружейевед В. Е. Маркевич сформулировал свое мнение о винтовках, изготовлявшихся недалеко от Тобольска в конце XIX – начале XX века, следующим образом: «Замечательно, что тип винтовки, форма ложи и устройство прочих деталей мало изменились за два столетия»⁶. Более определенно по тому же поводу высказался наш современник Ю. В. Шокарев: «Самыми любопытными из этого промыслового оружия были винтовки с оригинальным кремнёвым замком, получившим в Сибири название „курал“. По внешнему виду винтовки весьма походили на русские ружья XVII в.

и являлись, в какой-то степени, копией „царских пищалей“, которые когда-то делались в Оружейной палате в Москве»⁷.

Тем не менее эта, по всей видимости непрерывная, 300-летняя традиция производства и использования охотничьих пищалей, насколько нам известно, не удостоивалась специального рассмотрения в качестве целостного исторического явления. Необходимо уточнить, что истокам этой традиции посвящена обширная литература, основанная как на сообщениях письменных источников, так и на изучении коллекции Оружейной палаты Московского Кремля, насчитывающей более 300 предметов русского огнестрельного оружия XVII века⁸. Однако охотничьи пищали, завершающие обозначенную линию преемственности в конце XIX – начале XX века, представлены в оружейведческой литературе более чем скромно. Тот же Ю. В. Шокарев с сожалением отмечал: «Изучение оружия, которым пользовалась основная масса охотников-промысловиков в России в XIX – начале XX в., практически не проведено. <...> Однако следует заметить, что именно это неказистое на вид оружие было основой существования промыслового населения русского Севера, Сибири, Чувашии, Удмуртии и других мест»⁹.

В настоящем докладе, основанном как раз на материалах конца XIX – начала XX века, собранных исследователями-этнографами, предложен взгляд на русскую пищаль как на исторически сложившийся тип, устойчивый во времени. Предполагается, что выводы доклада могут быть в дальнейшем использованы для ретроспективных исследований.

Пищаль как часть традиции. В эпоху фиксации этнографических данных производство кремнёвых винтовок традиционного типа было, в основном, сосредоточено в тех регионах, где существовал устойчивый спрос на подобные изделия. Например, в некоторых местах Олонецкой губернии, богатых железной рудой, в 1860-х годах крестьяне изготавливали «для себя ружья, называемые винтовками»¹⁰. В начале XX века в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии о некоторых кузнецах сообщалось, что они «имеют сверла и делают новые ружья-кремнёвки». Таких умельцев было немного: всего шесть человек на уезд, в котором проживало примерно четыре с половиной тысячи жителей¹¹. Впрочем, существовали также центры ремесленного и кустарного производства традиционных винтовок с годовым объемом в десятки стволов¹². Характерно, что в ответ на расспросы о происхождении оружия от крестьян можно было услышать фразу: «Досталось от дедов»¹³. В этих словах отразилась не только известная сдержанность

крестьян в общении с чужаками, но и вполне очевидное отношение к своему оружию как к наследию прошлого.

Ровно так же местное оружие воспринимали и сторонние наблюдатели. Борис Станиславович Познанский, оставивший подробное описание суркового промысла в Воронежской области, таким образом выстроил родословную винтовок, изготавливавшихся специально для промышленников в селе Воронцовка: «К воронцовцам мастерство это перешло еще от предков их, выходцев с Украины, и можно безошибочно утверждать, что нынешняя винтовка есть близкая родственница упоминаемых в думах малорусских *„семияденных самопалов“*. <...> В археологическом кабинете Киевского университета я видел длинное ружье совершенно такого же типа; только ствол в нем был гораздо длиннее»¹⁴. Читатель может сам проверить справедливость этих слов, сравнив изображения воронцовской винтовки второй половины 1870-х годов¹⁵ и винтовки, найденной археологами на месте битвы под Берестечком 1651 года¹⁶. Несмотря на разницу в системе воспламенения (промысловая винтовка имеет капсюльный замок), два образца огнестрельного оружия, разделенные временным промежутком более 220 лет, обнаруживают несомненные родственные черты.

Примечательно, что Б. С. Познанский сближает воронцовские винтовки также с винтовками сибирских промышленников, ссылаясь на книгу А. А. Черкасова¹⁷. Надо сказать, что в пропорциях и отдельных деталях «сибирки» существенно отличаются от оружия воронежских охотников, что, однако, не помешало Борису Станиславовичу увидеть их сходство. Произошло это, как мы полагаем, потому, что автор описывал промысловое оружие как нечто новое, не вполне известное, отличное от охотничьих ружей привычного типа; в этом случае на первый план закономерно вышли не видовые различия, но общие типологические черты. Для нашего исследования интересно отметить тот факт, что современники уверенно различали типы огнестрельного оружия, не имеющие, с сегодняшней точки зрения, четких формальных критериев.

Любопытно, что для обозначения традиционных ружей часто использовали старый русский термин «пищаль». Так, в середине XIX века в Забайкалье пищалью называли нарезное оружие¹⁸, а в начале XX века на территории современной Республики Коми – ружья с кремнёвым замком¹⁹, причем в обоих случаях, как можно предположить, речь шла об определенном типе оружия, противопоставленном

гладкоствольному охотничьему ружью с прикладом, предназначенным для упора в плечо.

Слово «пищаль» относится к общеславянской лексике с первичным значением «свирель, дудка». Судя по летописным источникам, уже с конца XIV века этим термином обозначали пушки, а как минимум с середины XVI века – ручное огнестрельное оружие. В этом значении термин был очень активен в течение XVII века, причем, что важно отметить, во всех социальных слоях – от низших до высших. Слово «пищаль» в смысле «ручное огнестрельное оружие» заимствовано из русского в языки коми, марийский и чувашский. Со времени правления Петра I этот термин оказался вытеснен другими словами²⁰. Как видим, в народной среде охотничьи кремнёвки продолжали называть пищальми и 200 лет спустя после появления новомодных фузей и мушкетов.

Интересно отметить известную неопределенность термина «пищаль», который мог обозначать (помимо длинноствольного ручного огнестрельного оружия) не только орудие, относящееся с нынешней точки зрения к артиллерии, но и, к примеру, пистолет²¹. В этих условиях попытки привязать традиционные термины к оружию определенной конструкции с однозначными характеристиками могут привести к серьезным ошибкам, на что совершенно справедливо обращает внимание А. Н. Чубинский²². Дело в том, что традиционная классификация построена в значительной степени не на последовательном различении форм предметов, а на их сущностном сходстве, поэтому традиционная терминология выглядит неточной только в рамках аналитического подхода, но в границах собственной системы отсчета она вполне последовательна и операциональна. Типы предметов, обозначаемые аналитическими терминами, выделяют на основе стандартизации отдельных частей предметов, а предметы, обозначаемые традиционными терминами, объединяют в типы на основе их общего происхождения и предназначения²³. Попробуем продемонстрировать действие этого принципа на конкретном материале.

Ствол пищали. Качество пищали как оружия определялось в значительной степени качеством ствола. В конце XIX века ложи винтовок охотники зачастую делали для себя сами, кремнёвые замки, как правило, изготавливали местные кузнецы, а вот стволы могли привозить из соседних губерний или с крупных ярмарок, расположенных довольно далеко от таежных угодий. Впрочем, значительную часть стволов для

промысловиков ковали местные кузнецы наряду с прочей продукцией²⁴. Ствол без ложи и замка можно было приобрести не только у мастера, но и с рук – бывший в употреблении²⁵. Использование старых стволов для новых винтовок было обыденной практикой, существенно снижавшей затраты труда и времени при производстве²⁶.

По описанию оружейной мастерской, располагавшейся в деревне Верхне-Филатовской в окрестностях Тобольска, известно, что стволы делали из кричного железа. Полосу металла нагревали в горне и ковали на стальной оправке; края образовавшегося желоба заваривали, превращая его в трубу²⁷. Мастера из слободы Воронцовка Павловского уезда Воронежской губернии для изготовления ствола употребляли покупное железо в полосах, так называемое шинное, то есть шедшее в основном на обода для тележных колес. Интересно отметить, что воронцовцы различали железо мягкое и ломкое («крохкое»). После предварительной расковки полосы навивали на оправку по спирали и сваривали²⁸.

Два ключевых момента производства стволов – мягкость материала и качество кузнечного шва – упомянуты в тексте 1724 года: «А буде кой мастер оружейной зделает какую либо пищаль из ломкаго железа или и из мяхкаго, да худо проварит, и в стреле ее разорвет, то на том мастере, чье клеймо, взять штрафу во сто цен тое пищали, да ему же учинить наказание»²⁹. Таким образом, сообщения, разнесенные по времени на 150 лет, демонстрируют известную преемственность если не деталей технологического процесса, то, по крайней мере, понимание его общих закономерностей.

Столь характерная для этнографических пищалей увеличенная толщина стенок ствола – чрезмерная, на взгляд привыкшего к современному оружию наблюдателя, – во многом определялась именно мягкостью железа³⁰. Толстые стенки из мягкого, пластичного металла положительно сказывались на надежности оружия, снижая в какой-то степени вероятность разрывов – основной проблемы, с которой сталкивались и производители, и пользователи огнестрельного оружия. Мягкость ствольного материала традиционных пищалей демонстрирует распространенный способ исправлять погнутые стволы: «Нередко случается падать с ружьями на камни, валежины, особенно ходя в лесу, по горам и оврагам, отчего можно погнуть стволы или сделать на них ямины, углубления. Такие вещи в нашем крае легко исправляются зачастую самими охотниками, хотя мало-мальски понимающими дело, а особенно

лишь немного знакомыми со слесарным мастерством. Стоит только разобрать ружье, прикинуть стволы на струну, почему тотчас будет видна всякая впадина, возвышение или углубление, вследствие чего их выбивают легкими ударами мягкого свинца (куском в 5 и 8 ф[унтов]), но отнюдь не железным молотком, до тех пор, покуда не исправят погрешностей, непрестанно прикладывая к натянутой струне. Если не торопиться и сделать это аккуратно, то все впадины и возвышения выбиваются совершенно, так что стволы примут прежнее настоящее, правильное положение»³¹. Очевидно, что при использовании более совершенных жестких ствольных сталей подобная процедура становится невозможной.

О внешней отделке стволов сохранились самые разные сведения. Так, некоторые наблюдатели, подчеркивая грубость работы сельских кузнецов, утверждали, что стволы местной работы послековки не обрабатывались даже напильником³². Владимир Еронимович Маркевич считал, что для сибирских охотничьих малокалиберных винтовок характерны стволы, граненные в казенной и дульной частях и округлые в центральной части³³. (На основании знакомства с промысловым оружием в музейных коллекциях можем подтвердить, что трехчастная разделка стволов была очень популярной, и добавить, что переходы между отдельными частями, как правило, украшали поперечными декоративными «поясками».) Борис Станиславович Познанский замечал, что стволы воронцовских винтовок большей частью опиливались на восемь граней³⁴. Александр Александрович Черкасов писал, что винтовки с шести- или восьмигранными стволами ценились выше винтовок со стволами круглыми: «Уважаются они более потому, что из таких винтовок ловчее выцеливать предмет, особенно в сумерки и даже ночью, ибо верхняя грань ствола, как лента, натянутая по стволу, придает глазу какую-то особенную правильность прицела и виднее, чем круглая поверхность ствола, в темноте; кроме того, гранчатые винтовки красивее круглых»³⁵.

Давно отмечено, что граненый ствол получается более жестким, чем круглый, и его труднее погнуть³⁶. На наш взгляд, именно этим обстоятельством объясняется заметная склонность мастеров, изготавливавших традиционные пищали, к граненым стволам: задача обеспечения прочности должна была быть особенно актуальной при использовании мягкого ствольного материала. При этом надо учитывать, что в условиях заводского производства очевидное преимущество получали

круглые стволы, поскольку их обтачивали и полировали на точильных кругах, каменных и деревянных, приводимых в действие силой воды³⁷. Опиловка же граней производилась, как правило, вручную, поэтому выработка граненых стволов на заводе резко снизила бы производительность труда и повысила конечную стоимость изделия. В мастерских, где использовался только ручной труд, принципиальной разницы между опиловкой на круг или на грани не было.

Понятно, что толстые стенки существенно увеличивали массу ствола и, соответственно, оружия в целом. И если средний вес сибирских винтовок с сошками колебался от 12 до 14 фунтов (4,9–5,7 кг из расчета 409,5 г в фунте)³⁸, то, например, мастера из деревни Верхне-Филатовской по отдельным заказам изготавливали ружья, масса которых в сборе доходила до 15 (6,143 кг) и даже до 20 фунтов (8,190 кг)³⁹. На реке Аргунь А. А. Черкасов видел винтовку казака Пичуева, ствол которой был длиной 8 четвертей (142,24 см), при этом вся винтовка весила около 35 фунтов (14,330 кг). Била она, по свидетельству Александра Александровича, «сажен на 150» (320,1 м)⁴⁰.

Здесь важно еще раз подчеркнуть определенную закономерность: традиционные способы получения железа задавали характеристики ствольного материала, а требования обеспечения безопасности стрельбы при заданных качествах ствольного материала диктовали необходимость изготавливать стволы с толстыми стенками. В результате и производитель, и потребитель заранее были настроены воспринимать большой вес ствола не как досадную неприятность, но как признак, скорее, положительный, свидетельствующий о добротности работы и надежности оружия: «...многие здешние охотники, люди крепкого телосложения, уважают тяжелые винтовки более, нежели легкие. Только одни инородцы – орочны, люди малорослые и слабые, не любят тяжелых винтовок и нередко опиливают их снаружи подпилками, чтоб сделать несколько легче»⁴¹. Очевидно, что тунгусоязычные орочны в данном случае служат примером культурной модели с иной системой приоритетов⁴².

Канал ствола. Этнографическая литература дает интересный пример описания оружия, в котором как бы смешиваются разные, с нашей точки зрения, параметры. Мы привыкли, что калибр и устройство канала ствола (гладкий/нарезной) могут сочетаться в разных вариантах, не определяют друг друга и, по сути дела, никак друг с другом не связаны. Но послушаем А. А. Черкасова: «Дробовиков у нас в Восточной

Сибири мало; она запружена винтовками. Почему сибиряки не уважают дробовиков – очень ясно, если мы вникнем в их положение и поймем сибирскую охоту, а именно потому, что свинец и порох здесь доставать довольно трудно и дорого; а известно, что дробовик требует гораздо большего заряда, чем винтовка. <...> ...Калибр их бывает от мелкой горошинки почти до калибра обыкновенного солдатского ружья; впрочем, последние здесь не уважаются, их держат более настоящие зверопромышленники, собственно, для охоты за крупными зверями: медведями, сохатыми, кабанам и проч., а малопульные употребляют преимущественно *белковищниками*»⁴³.

Мы видим противопоставление малокалиберной винтовки одновременно дробовику и крупнокалиберной винтовке, причем по разным, казалось бы, параметрам: дешевизна выстрела и специализация по различным группам животных. Однако присмотревшись повнимательнее, мы обнаружим, что речь идет, в общем-то, об одном: о предназначении оружия. Малокалиберная винтовка служит на промысле, поэтому она одновременно соотнесена с определенным объектом охоты, имеющимся в избыточном количестве и востребованном на рынке, и со стоимостью выстрела, которая является лимитирующим фактором доходности промысла. В привычной нам системе координат близким аналогом этому способу определения типа оружия является обозначение оружия по патрону. Действительно, тип патрона в значительной степени задает массогабаритные характеристики оружия, варианты его конструкции, параметры его стоимости, доступность и распространенность, возможную дальность стрельбы, объекты охоты и так далее.

Итак, традиционное охотничье оружие в конце XIX века было, по большей части, нарезным. Нарезов в стволе, как правило, делали четыре, шесть или восемь; крутизна нарезов для сибирских винтовок составляла чаще всего 0,75, но иногда доходила и до 1,25 оборота. Считалось, что винтовки с крутыми нарезами тяжелее на рану, а с пологими бьют дальше⁴⁴. Ширина и глубина нарезов доходила до 4 точек (1,016 мм)⁴⁵.

По калибру оружие традиционно разделяли на два типа, в соответствии с двумя группами добываемых животных. Главным пушным зверем в XIX веке была белка – именно беличьи шкурки давали основную прибыль охотникам-промысловикам. На севере европейской части России также широко была распространена добыча рябчиков, которых отправляли в Петербург и Москву «большими караванами»⁴⁶. Охота на крупных животных, включая лося, медведя и тюленя, требовала более

мощного оружия⁴⁷. Соответственно, винтовки делились на *малопульные* и *большепульные*⁴⁸.

В абсолютных цифрах определить значение этих традиционных терминов можно лишь приблизительно. На севере европейской части России пулю для промысловой винтовки описывали следующим образом: «немного более дробы № 1»⁴⁹ (4 мм), «с обыкновенную ружейную картечь»⁵⁰ (от 5,25 мм и выше). На юге Западной Сибири обычный калибр винтовок составлял от 6 до 8,5 мм, редкие и ценные для местного населения стволы архангельской работы имели калибр 4,4–5 мм⁵¹. На северо-востоке Якутии были распространены кремнёвые винтовки калибром около 6–8 мм⁵².

Традиционный способ определения калибра по количеству сферических пуль, получаемых из фунта свинца, для малопульной винтовки давал следующие цифры: 90 и более пуль⁵³, 120⁵⁴, 180⁵⁵ и даже 200⁵⁶. Учитывая, что русский торговый фунт составлял примерно 409,5 г, путем несложных вычислений получаем значения диаметра сферической пули из чистого свинца от 9,15 до 7 мм. Аналогичные данные для большепульной винтовки дают 80 и 40 свинцовых пуль на фунт⁵⁷, то есть 9,5–12 мм. Существует упоминание о винтовке для стрельбы крупных зверей «около 18 калибра»⁵⁸ (примерно 16,2 мм с привязкой к английскому весовому фунту).

Универсальное оружие. Несмотря на существование различных по калибру и мощности ружей, промышленник в тайге зачастую оказывался в ситуации, когда приходилось добывать разных зверей с помощью одного-единственного ствола – того, что был в наличии. По осени, месяца на два-три, зверопромышленники уходили в леса бить белку⁵⁹. В это время добывали также и всех прочих зверей, включая оленей, лосей и медведей⁶⁰. По словам знатоков охотничьих обычаев, белковщики «бьют все, что попадет на пулю»⁶¹, «от белки и рябчика до лося все бьется из винтовки одною пулею»⁶², «из этих же винтовок зачастую бьют также медведя, лося и горного барана»⁶³. Такие условия естественным образом порождали спрос на универсальное оружие, «чтобы и меньший калибр до известной степени мог служить для стрельбы хотя бы некоторых крупных зверей»⁶⁴.

Универсальность малокалиберных, или малопульных, винтовок достигалась за счет возможности изменять навеску пороха и массу пули в очень широких пределах. Если для охоты на белку от хорошей винтовки требовалось, чтобы из нее можно было с 20 сажень (42,67 м)

«попасть в четвертак» (монету диаметром чуть больше 20 мм) и пробить при малом заряде доску толщиной в вершок (4,4 см)⁶⁵, то для стрельбы, например, по оленям нужны были совсем другие показатели. Пороху в ствол насыпали «как в самый большой дробовик», что позволяло стрелять с дистанции 150–200 шагов (приблизительно 100–140 м), попадая при этом в круг диаметром около двух вершков (8,89 см). Энергии пули было достаточно для того, чтобы со 180 шагов (128 м) пробить оленя от паха до передней лопатки, а с близкого расстояния уложить трех стоящих рядом оленей, прошив первых двух навывлет⁶⁶.

Необходимость перед каждым выстрелом отмерять то количество пороха, которое требовалось в данных условиях, превращала каждого опытного стрелка в специалиста по подбору заряда. Однако изменять характеристики выстрела можно было не только за счет пороха, но и за счет свинца. У охотников-коми зафиксирована манера ношения на ремне пороховницы свинцового прута, закрученного спиралью. От этого прута стрелок откусывал кусочек свинца, после чего зубами формировал округлую пулю «величиной с горошину» для винтовки⁶⁷. Такой способ приготовления пуль, помимо прочего, позволял в известных пределах изменять массу пули, что было важно для стрельбы по разной дичи. При стрельбе накоротке крупного зверя, например медведя, охотники могли заряжать ствол двумя пулями, причем в этом случае часто фигурировали так называемые жеребья – цилиндрические снаряды, по массе значительно превышающие круглые пули⁶⁸. В литературе описаны случаи стрельбы двумя⁶⁹ и даже несколькими жеребьями⁷⁰.

Очевидно, что подобного рода опыты были небезопасны для стрелка. Разрывы стволов, к сожалению, были не столь уж редки и составляли важную часть деревенских новостей промыслового сезона⁷¹. Справляться с экстремальными нагрузками при особо мощных выстрелах винтовкам помогали те самые массивные стволы из мягкого железа, о которых речь шла выше. Таким образом, особенности производства винтовок, их технические возможности и способы их использования взаимно обуславливали друг друга. Можно сказать, что традиционный тип оружия определяли не только технические характеристики сами по себе, но и обстоятельства, выходящие за рамки собственно техники; именно поэтому оказывается довольно сложно описать традиционный тип с помощью лишь формальных критериев.

В целом, малопульная винтовка была пригодна для охоты на мелкого пушного зверя и птицу и одновременно позволяла стрелять крупную дичь. Гладкоствольные ружья и винтовки крупного калибра на ее фоне выглядели оружием либо маломощным, либо слишком затратным, либо узкоспециализированным.

Кремнёвый замок. Кремнёвые замки местного производства, изготавливавшиеся для промысловых ружей, как правило, принадлежали к так называемым русскому и, существенно реже, карельскому типам. Эти традиционные для русских арсенальных описей XVII века названия кремнёвых замков введены в научный оборот в качестве терминов Е. В. Мышковским. Для обоих типов характерно расположение боевой пружины с наружной стороны замочной доски; в случае русского замка боевая пружина давит сверху вниз на носок курка, у карельского замка боевая пружина давит на пята курка снизу вверх. Существуют также стилистические особенности оформления замков, характерные для русской традиции, в частности крюк или кольцо на верхней губке курка, с помощью которого курок ставили на боевой взвод⁷².

Русский кремнёвый замок не оставался неизменным на протяжении всего периода своего существования. Менялись формы отдельных деталей, менялся и их состав⁷³. Однако кремнёвый замок русского типа сохранился и успешно конкурировал с замками других типов на промысловом оружии конца XIX – начала XX века. Мы уже приводили обширные цитаты из книги А. А. Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири», и делали это ровно потому, что наблюдения Александра Александровича оказываются наиболее объемными и точными из всех, имеющихсся в литературе. Обратимся к нему и в этот раз: «Никогда вы не увидите у здешнего промышленника винтовку или дробовик с пистонным замком – он не любит усовершенствований. Замок у него кремнёвый, и то наружный: весь механизм не внутри замка, а с наружной стороны – на лице; когда ни взгляните, всегда вы увидите пружины и спуск, ну, словом, – все устройство. Если и попадется сибиряку каким-нибудь образом винтовка или дробовик с пистонным замком, то он по большей части переделывает их на свой манер, то есть приладит к ним свой наружный замок. Конечно, в этом отношении играет важную роль то обстоятельство, что сибиряку, живущему в отдалении от торговых мест, трудно доставать пистоны, да и, кроме того, дорого; ему за обыкновенную коробку их нужно заплатить не менее 1,5 руб. сер[ебром], а пожалуй, и дороже, что простолюдину *не под*

силу, или *не поднять*, как говорят. Но, кажется, тут есть еще важнее обстоятельство – привычка. Я им часто говаривал относительно того, что пистонные ружья гораздо удобнее, выгоднее и безопаснее, на что получал всегда один ответ: „Наши деды и прадеды не знали фистонных ружей, а палили кремнями да бивали зверей поболее нашего; так и нам *не сполитично* заводить того, к чему мы не привыкли и на что нас не хватает“»⁷⁴.

«Наружный» кремнёвый замок – это, несомненно, замок русского типа, который не только был дешевле в применении, но и воспринимался местными охотниками как традиционный предмет, то есть такой предмет, который, пребывая в настоящем, глубоко укоренен в прошлом и в силу этого обладает подлинностью⁷⁵. Именно в качестве традиционного русский замок соотносился с определенным типом оружия. Например, огнестрельное оружие, производившееся в 1880-х годах в деревне Верхне-Филатовской, четко делилось на гладкоствольные дробовики с покупными капсюльными замками и винтовки, снабженные изготовленными в мастерской кремнёвыми замками, «у которых весь замочный механизм расположен снаружи замочной доски»⁷⁶. Таким образом, русский кремнёвый замок нельзя рассматривать только как отдельно взятый элемент оружия, произвольно комбинируемый с другими его элементами; во многих случаях упоминание русского замка можно трактовать как указание на традиционный тип огнестрельного оружия.

Ложа. Многие наблюдатели описывали неудобство лож промысловых ружей, иногда употребляя при этом довольно энергичные выражения. Однако авторы записок, из которых мы черпаем сведения об оружии зверопромышленников, вынуждены были признавать, что «просто полено, кое-как обтесанное и чрезвычайно неловкое»⁷⁷, «уродливые, прямые, узенькие ложи»⁷⁸, сделанные «до невероятности нескладно»⁷⁹, нисколько не мешали местным охотникам стрелять точно и эффективно.

Проблема, видимо, заключалась в том, что приклады промысловых пищалей относились к аркебузному типу, то есть не были предназначены для упора в плечо при стрельбе. Относительно короткий приклад прижимали к щеке, чтобы вывести линию прицеливания на уровень глаз. С отдачей в случае аркебузного приклада справлялись за счет соблюдения баланса между массой оружия и мощностью выстрела, что приводило к известной массивности промысловых ружей,

удивлявшей городских охотников. Надо сказать, что стрельба из оружия с прикладом аркебузного типа и стрельба из оружия с прикладом, упирающимся в плечо, формируют различные навыки, которые невозможно эффективно применить на оружии непривычного типа⁸⁰. Иной приклад, вес и баланс, невозможность наработанными усилиями стабилизировать оружие затрудняют стрельбу настолько, что это поневоле вызывает раздражение, хорошо заметное в описаниях зарубежных исследователей.

Естественным ответом на относительно большую массу и специфический баланс традиционных винтовок была манера стрельбы с сошек. Как правило, недалеко от дульного среза цевье промыслового ружья расширялось, образуя выступ, к которому через поперечное отверстие на винте крепились сошки. Некоторые промышленники вместо сошек использовали так называемые сажанки – две или три тонкие палочки, заостренные с одного конца и связанные ремешком с другого. Привычные к таким приспособлениям зверовщики стреляли с них весьма «проворно и ловко»⁸¹. Охотникам-коми зимою в качестве сошки обычно служил посох, с одной стороны оканчивавшийся железным наконечником, а с другой – расширявшийся в изогнутую деревянную лопатку⁸². Такой посох использовали при постановке капканов, для раскапывания снега, в качестве лыжной палки и прочего. При стрельбе посох втыкали острым концом в снег и, взявшись за него левой рукой на высоте плеча, клали винтовку на руку⁸³. Для выстрела вверх, например по белке, посох ставили широким концом на ногу⁸⁴.

В тех случаях, когда сошек не было, охотники старались положить винтовку на ветку дерева⁸⁵, для стрельбы с опорой на древесный ствол иногда использовали специальное приспособление – металлическое кольцо с двумя шипами по сторонам. Кольцо надевали на ствол с цевьем и при стрельбе упирали шип в дерево⁸⁶.

Надо отметить, что манера стрельбы с опоры как нельзя лучше соответствовала массивному стволу, смещавшему баланс оружия к дульному срезу. Тяжелое оружие в сочетании с корректной техникой стрельбы давало хорошие результаты: «...стрельба пуль из тяжелых винтовок легче, нежели из легких, потому что тяжелая винтовка, опираясь на сошки, стоит гораздо тверже, – прицеливаться из нее ловко, тогда как легкую, которая не делает *нажиму* своей тяжестью на сошки, нужно крепко держать в руках и прицеливаться осторожно, чтобы произвести верный выстрел; кроме того, легкая винтовка от большого

(зверового) заряда как-то вздрагивает при выстреле, почему пуля нередко *фальшит*, тогда как при тяжелой этого не бывает»⁸⁷.

Понятно, что такая техника исключала привычную для городского охотника стрельбу птицы влет. Многие авторы подчеркивали эту разницу: «Стреляют сибиряки весьма метко, всегда с сошек и не иначе как по предмету недвижущемуся»⁸⁸; «зыряне давно известны как отличные стрелки и между ними есть такие, которые никогда не дают промаха; но из них ни один, даже самый лучший стрелок никогда не стреляет *с руки*, а всегда *с прикладу*»⁸⁹; «здешние промышленники, превосходные стрелки из винтовок, совершенно не умеют стрелять дичь на лету. <...> ...Дичь на лету стреляют немногие охотники, преимущественно люди заезжие»⁹⁰.

Традиционная пищаль как тип. Попытаемся выделить ключевые элементы, определяющие тип традиционной пищали:

1) обусловленный особенностями технологии и, соответственно, типом производства массивный ствол с толстыми стенками;

2) обусловленная массивным стволом возможность компенсировать отдачу за счет массы оружия, что позволяет использовать ложу аркебузного типа с прикладом, не предназначенным для упора в плечо;

3) преимущественно нарезной канал ствола небольшого калибра, который оказывается связанным с традиционным типом пищали не в силу конструктивной необходимости, но в силу соответствия традиционному представлению об универсальности огнестрельного оружия;

4) замок русского типа, который оказывается связанным с традиционным типом пищали не в силу конструктивной необходимости, но в силу соответствия традиционным технологиям и экономике промышленной охоты;

5) соответствующая тяжелому стволу и прикладу аркебузного типа техника стрельбы, ограничивающая возможность перехода на иной тип оружия.

Понятно, что описанный таким образом исторический тип представляет собой достаточно пластичное явление, способное существенно меняться в отдельных параметрах. Устойчивость во времени ему придают не жесткая стандартизация деталей и элементов, но вовлеченность в традиционный образ жизни, включающий в себя и определенные методы производства, и способы применения оружия, и порядок воспроизводства культурных форм.

Вызывают любопытство попытки зафиксировать столь сложное явление в краткой словесной формуле. В «Словаре Академии Российской», изданном в 1789–1794 годах, винтовка определялась как «род огнестрельного узкодулага ружья, у которого ствол внутри граненой, и стены очень толсты»⁹¹. Побывавший на Колыме в 90-х годах XIX века В. И. Иохельсон так описывал оружие местных охотников: «...главным образом употребляются кремнёвые винтовки с тяжелым кованным и резным дулом и чрезвычайно малым отверстием»⁹². Вряд ли по этим описаниям, разделенным сотней лет, можно представить себе описываемое оружие в целом, но если читатель знает предмет, о котором идет речь, то он будет вынужден признать, что приведенные краткие формулировки отражают существенные его черты.

Мы питаем надежду, что сформулированные в настоящем докладе положения могут оказаться бесполезными для корректной интерпретации письменных сообщений, относящихся к тем временам, относительно которых столь подробные этнографические данные не известны.

-
- ¹ Причины столь завидного долголетия рассмотрены нами в специальной работе: *Sheriemietjew D. Długi żywot arkebuz: rosyjskie flinty wyrabiane chałupniczo* // *Europejskie tradycje łowieckie* : Tom wydany z okazji III Międzynarodowego Kongresu Kultury Łowieckiej zorganizowanego z okazji 90-lecia Polskiego Związku Łowieckiego w Jachrance w dniach 30 VIII – 1 IX 2013 roku. Warszawa, 2013. P. 196–210. Русскоязычный вариант статьи в данный момент находится в печати.
- ² *Русанов В. А.* Очерк промыслов по Усть-Сысольскому уезду // Статьи, лекции и письма : Литературное наследие выдающегося русского полярного исследователя начала XX века. М. ; Л., 1945. С. 318.
- ³ *Керцелли С.* О типе ружья, наиболее пригодного для северного промышленника // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Журнал жизни Северного Края)*. 1911. Т. 4, № 10. С. 778.
- ⁴ *Конаков Н. Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. : Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. М., 1983. С. 117.
- ⁵ *Михель Н. [М.]* Типы охотничьего промышленного оружия на севере Якутии (в порядке обсуждения) // *Советский Север*. 1933. № 5. С. 32.
- ⁶ *Маркевич В. [Е.]* Русские шомпольные винтовки кустарной работы / Публикация С. В. Маркевич // *Охота и охотничье хозяйство*. 1983. № 3. С. 30.

- ⁷ Шокарев Ю. В. Русское оружие : Мастера и фирмы. М., 2005. С. 99.
- ⁸ Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная Палата Московского Кремля : сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 19.
- ⁹ Шокарев Ю. [В.] Промысловые нарезные шомполки в Историческом музее // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 3. С. 32.
- ¹⁰ Тимофеев Е. Промышленность жителей в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 39. С. 399.
- ¹¹ Мартюшов А. М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Устьысского уезда. Вятка, 1904. С. 24.
- ¹² Познанский Б. [С.] Сурковый промысел и воронцовские винтовки // Природа и Охота. 1878. Т. 4, октябрь. Отдел 2. С. 7; Сергеев А. Материалы к истории оружейного производства в Сибири и о современной выделке охотничьего оружия в селениях около г. Тобольска // Тобольские губернские ведомости. 1889. № 33. С. 21.
- ¹³ Р-в П. [Рыбников П. Н.] Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Ч. 2. Петрозаводск, 1866. С. 59.
- ¹⁴ Познанский Б. [С.] Указ. соч. С. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 11, фиг. 15–17.
- ¹⁶ Свешніков І. К. Битва під Берестечком. Львів, 1992. С. 241, рис. 63, № 5.
- ¹⁷ См.: Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863). СПб., 1867. С. 11.
- ¹⁸ Там же. С. 3.
- ¹⁹ Русанов В. А. Очерк промыслов... С. 318.
- ²⁰ Одинцов Г. Ф. К истории русских военных терминов пушка, тюфякъ, пищаль, винтовка // Этимология : 1978. М., 1980. С. 113, 114, 123, 127, 130.
- ²¹ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. С. 67; Одинцов Г. Ф. Указ. соч. С. 127, 128; Чубинский А. Н. Пищаль, самопал или ручница? Терминологическое исследование // Мир оружия: история, герои, коллекции : материалы Международной научно-практической конференции 21–22 октября 2016 г. Тула, 2016. С. 464–466.
- ²² Чубинский А. Н. Указ. соч. С. 460, 467.
- ²³ Шереметьев Д. А. Соотношение традиционных и научных оружейных терминов // Война и оружие : Новые исследования и материалы : труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. Ч. 3. СПб., 2012. С. 412–414.
- ²⁴ Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873. С. 16; Конаков Н. Д. Указ. соч. С. 118.
- ²⁵ Коми-морт : Очерки зырянской охоты // Записки Общества изучения Коми края. Вып. 1. Устьысольск, 1928. С. 86.
- ²⁶ Познанский Б. [С.] Указ. соч. С. 7.
- ²⁷ Сергеев А. Указ. соч. С. 21.

- 28 Познанский Б. [С.] Указ. соч. С. 7, 8.
- 29 Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве [1724] / ред., вступ. статьи и прим. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. С. 219.
- 30 Познанский Б. [С.] Указ. соч. С. 11, 12.
- 31 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 9, 10.
- 32 Воропай [И. М.] Записки об охоте на севере России, Архангельской губернии, Шенкурского уезда. М., 1871. С. 89.
- 33 Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 2005. С. 172.
- 34 Познанский Б. [С.] Указ. соч. С. 12.
- 35 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 12.
- 36 Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие... С. 171.
- 37 Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и Каширские заводы в XVII в. М. ; Л., 1934. С. 59. (Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра ; Вып. 98).
- 38 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 18.
- 39 Сергеев А. Указ. соч. С. 21.
- 40 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 18.
- 41 Там же.
- 42 Из материалов, собранных известным этнографом А. А. Макаренко в бассейне Ангары, известно, что тунгусы изготавливали кремнёвые винтовки массой от 4¾ до 5 фунтов (1,94–2,04 кг из расчета 409,5 г в фунте). Этот тип оружия местные охотники каназывали тунгусским. См.: Материалы (черновые записи) к статье А. [А.] Макаренко «Зверовой промысел», гл. Б «Постройки, техническое оборудование, способы передвижения охотников-эвенков» // Архив Российского этнографического музея. Ф. 6. Оп. 1. Д. 97. Л. 20.
- 43 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 5, 13, 14.
- 44 Там же. С. 18, 19.
- 45 Сергеев А. Указ. соч. С. 21.
- 46 Сонни К. [М.] Об охоте зырян // Лесной журнал, издаваемый Обществом для поощрения лесного хозяйства. 1840. Ч. 4, кн. 2. С. 278.
- 47 Керцелли С. Указ. соч. С. 781.
- 48 Р-в П. [Рыбников П. Н.] Указ. соч. С. 59.
- 49 Сонни К. [М.] Об охоте зырян... 1840. Ч. 4, кн. 2. С. 274.
- 50 Воропай [И. М.] Указ. соч. С. 89.
- 51 Шухова И. Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 100.
- 52 Михель Н. [М.] Указ. соч. С. 32.
- 53 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 699.
- 54 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863). Изд. 2-е, исправл. и доп. СПб., 1884. С. 624.
- 55 Арсеньев Ф. А. Указ. соч. С. 17.
- 56 Сергеев А. Указ. соч. С. 21.
- 57 Там же.

- 58 Коми-морт... С. 85.
- 59 Сонни К. [М.] Об охоте зырян... 1840. Ч. 4, кн. 2. С. 270.
- 60 Сонни К. [М.] Об охоте зырян. // Лесной журнал, издаваемый Обществом для поощрения лесного хозяйства. 1840. Ч. 4, кн. 3. С. 367.
- 61 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 686, 707.
- 62 Вороний [И. М.] Указ. соч. С. 88.
- 63 Михель Н. [М.] Указ. соч. С. 33.
- 64 Керцелли С. Указ. соч. С. 781.
- 65 Сонни К. [М.] Об охоте зырян... 1840. Ч. 4, кн. 2. С. 275, 276.
- 66 Вороний [И. М.] Указ. соч. С. 89, 90.
- 67 Русанов В. А. Очерк промыслов... С. 318, 319.
- 68 «Жеребьями мы называли цилиндрические пули одинакового калибра с ружьем и от $\frac{3}{4}$ до 1 вершка длиною. Такие пули не годятся для дальней стрельбы, но на близком расстоянии летят верно и производят весьма разрушительное действие» (Верненский гражданин [Б. А. Карпов]. Мантык – истребитель тигров : Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. 1880. Т. 4. № 12. С. 82).
- 69 Иванов [А. И.]. Промыслы охоты на зверей и птиц в Олонецкой губернии // Журнал охоты : Орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. 1876. Т. 5, № 3 (сентябрь). Прил., с. XXI.
- 70 Русанов В. А. Зыряне // Статьи, лекции и письма : Литературное наследие выдающегося русского полярного исследователя начала XX века. М. ; Л., 1945. С. 346.
- 71 Там же. С. 345.
- 72 Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 187, 190, 194.
- 73 Одному из элементов русского замка, характерному для сибирских охотничьих винтовок, – внешнему спуску – посвящен наш доклад «Сторожок и его разновидности», прочитанный в рамках международной научной конференции «Историческое оружие в музейных и частных собраниях», проходившей в Музеях Московского Кремля 8–10 ноября 2016 года. Текст доклада находится в печати.
- 74 Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 15, 16.
- 75 Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 63.
- 76 Сергеев А. Указ. соч. С. 21.
- 77 Арсеньев Ф. А. Указ. соч. С. 17.
- 78 Шведов И. Краткий очерк промысловой охоты в Иркутском округе // Журнал охоты : Орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. 1876. Т. 4, № 4 (апрель). С. 33.
- 79 Вороний [И. М.] Указ. соч. С. 89.

- ⁸⁰ *Шереметьев Д. А.* К вопросу о типологии прикладов: аркебуз и мушкет // *Война и оружие : Новые исследования и материалы : труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года.* Ч. 4. СПб., 2013. С. 439–447.
- ⁸¹ *Черкасов А. [А.]* Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 11, 17, 18.
- ⁸² *Русанов В. А.* Очерк промыслов... С. 319.
- ⁸³ *Конаков Н. Д.* Указ. соч. С. 119.
- ⁸⁴ *Русанов В. А.* Зыряне... С. 343.
- ⁸⁵ *Арсеньев Ф. А.* Указ. соч. С. 18.
- ⁸⁶ *Воропай [И. М.]* Указ. соч. С. 88.
- ⁸⁷ *Черкасов А. [А.]* Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 18.
- ⁸⁸ *Шведов И.* Указ. соч. С. 33.
- ⁸⁹ *Сонни К. [М.]* Об охоте зырян... 1840. Ч. 4, кн. 2. С. 276.
- ⁹⁰ *Черкасов А. [А.]* Записки охотника Восточной Сибири... СПб., 1867. С. 42.
- ⁹¹ *Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. Т. 1: А–В.* М., 2001. Стлб. 709.
- ⁹² *Иохельсон В. И.* Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // *Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова.* Отдел 3, т. 10, ч. 3. СПб., 1898. С. 22.